

Леонид Лейдерман

Армянин одесского разлива

В День журналиста газета «Урядовий кур'єр» опубликовала воспоминания В. Бабенко об «армянине одесского разлива» Эрванде Григорянце (Ерванте Геворковиче Григорянце). Не забывается Григорянц.

В скорбные для Одессы дни прощания с Борисом Федровичем Деревянко Феликс Кохрихт упомянул о григорянцевских временах. Екатерина Чечкина, ветеран одесской журналистики, как-то сказала: «Всем, что мы имеем и умеем, мы обязаны Григорянцу». Может, это и «занадто», однако и «Вечерняя Одесса» в свое время одну из публикаций, посвященных памяти Григорянца, назвала «Варпет», то есть *Учитель*.

Время летит быстро. Еще недавно в шестидесятниках ходили представители далекого XIX века, и вот уже как о тоже далеком говорят о шестидесятниках века двадцатого. Эрванд Григорянц – из этого времени. События спрессовали годы, и только кажется, что это было недавно. Это было давно.

Григорянц известен в основном в журналистских кругах. Широкая публика знает только пишущих журналистов, а Григорянц публиковался редко: он делал газету.

Чем Эрванд Григорянц интересен Одессе? Во-первых, он одессит, жил на Малой Арнаутской угол Книжного переулка. Прежде чем попасть в киевский университет, он (как пишет В. Бабенко, чуть ли не единственный армянин на факультете журналистики) окончил с золотой медалью одесскую 118-ю школу. К шестидесятым годам Эрванд Григорянц имел за спиной красный диплом выпускника университета, работу в районной

газете. В так называемой личной жизни – шок от диагноза «туберкулез легких», шок от разлуки с первой любовью и, что наиболее существенно для профессии журналиста, шок, который пережила тогда вся страна после откровений XX съезда КПСС.

С этим багажом Григорянц вернулся в Одессу, где попал в коллектив молодежной газеты. Коллектив, хоть и молодой, уверенно полагал, что в жизни он понимает больше, чем немолодой редактор. Но вот когда немолодой редактор ушел в более взрослую газету, а редактором стал Григорянц, из своих, то нужно было еще доказать, что моло-

дой коллектив что-то знает и что-то может.

Сейчас в Одессе есть уже свой факультет журналистики. Его студенты имеют интересный для сопоставления материал – газету «Комсомольское племя» до и после назначения Григорянца редактором. Ведь газета, если она подписывается по разнарядке, – еще не газета. Она тогда газета, когда читается. Так вот, газету, которую толком никто не читал, стали читать. И это безо всяких чудес. Просто подобрались беспокойные люди, которые хотели работать в нормальной беспокойной обстановке. Новый редактор этим настроением вполне соответствовал. И газета стала набирать очки. А когда пришла пора газетного укрупнения, то зональная молодежная газета была учреждена именно в Одессе – с названием «Комсомольська іскра» и с корреспондентскими пунктами в Николаеве, Симферополе и Херсоне. У одесской газеты накапливался новый опыт – уже не областной только, а южно-украинской газеты.

Кстати, новая газета, в отличие от двуязычного «Комсомольского племени», стала одноязычной – только на украинском языке. В редакции понимали, что такое решение – это потери в читателях, особенно в Крыму. На возмущение сотрудников Григорянц тогда сказал: «Соберите две тысячи подписей, и я еду в Киев». Думаю, он хорошо понимал, что и три тысячи подписей не помогут. Это только профессионалы знают, что для газеты главное – читатель, и к нему нужно идти всеми доступными средствами. Это знают и профессиональные политики, для которых газета – серьезный инструмент. Государственный язык предпочтителен как носитель культуры, а как средство коммуникации – все живые языки важны. Но профессионалов не спросили, и газета лишилась русского языка.

Работа Григорянца в Одессе пришлась на пик и финал хрущевской «оттепели». Как будто бы оправдан был всплеск надежд на реформирование жизни, но тепло оказалось ранним, зима еще не показала свои зубы-заморозки. Поэтому Григорянц интересен еще и тем, что воспоминания, связанные с его именем, дают представление именно об этом периоде. (Воспоминания, которые собирал после смерти Григорянца Борис Деревянко, видимо, есть смысл поискать. Необязательно, чтобы издать книжку, как планировалось когда-то, но чтобы положить для интересантов где-нибудь в папку Горьковки или Литературного музея.)

Из Одессы Григорянц уезжал не совсем по своей воле. Уж не знаю, какие были у него планы (у молодежных журналистов, как у травести в детском театре, есть свой возрастной порог), но в тот момент эти планы никак не были связаны с переходом в партийную газету. А ему предложили именно это: должность редактора в газете «Знамя коммунизма». Можно понять секретаря обкома партии по идеологии. В «Знамени» склоки, разбирательства, коллектив лихорадит. С другой стороны – сильный редактор, с ровом, однако умница, молод, но уже авторитетен, ЦК утвердит.

Григорянц возражал: там работают его учителя. Ему напомнили: он получил квартиру, двухкомнатную, и всего на троих – с женой и сыном.

Тогда Григорянц оформил себе командировку в Москву, а там – просил выручить и взять в «Комсомольскую правду» собственным

корреспондентом по югу Украины. Все было задумано хорошо. Опыт зональной газеты есть. Из комсомольской прессы не уходит. И в «Знамя» не идет, и в Одессе остается.

В «Комсомолке» Григорянца знали, только вот не было вакансии собкора. Предложили перебираться в Москву и возглавить в газете новый отдел – социологических исследований. Социология, одна из недавних «продажных девок империализма», бурно возрождалась, это было не только модно, это выводило журналистику в научное русло, это было интересно. И Григорянец согласился.

Шел 1964 год. Приближалась контроттепель. Социологического отдела в «Комсомольской правде» не создали. А там и самого Хрущева «переизбрали».

Аукнулось в Москве, а откликнулось в Одессе, где еще оставалась в газете жена Григорянца Галина Семенова. В день, когда передали сообщение о смене генерального секретаря, номер «Комсомольской искры» был уже сверстан. Материал о пленуме ЦК поставили на первую полосу, а заверстаный раньше материал об освобождении Киева от немецко-фашистских захватчиков, в котором принимал участие Н.С. Хрущев, как был в номере, так и остался. В тот день выпускающим в редакции как раз была Семенова. Опытная журналистка, да неосторожная: всего две молодежных газеты на Украине – винницкая и одесская – не усмотрели подвоха в соседстве двух официальных материалов. Назавтра виновных затребовали в Киев на ковер, а через три дня Семенову должны были принимать в партию.

Поразительно, как однозначно и повсеместно работал закон огульного отрицания. Хрущев – генсек, значит, был Киев и немецко-фашистские захватчики. Сняли Хрущева – и будто не было ни освобождения, ни Киева. Так было в Советском Союзе, в котором были коммунисты и советские люди. Сейчас пришли новые, демократические времена. Ан велика инерция, велико желание предупредительно угодить. И мы уже говорим «совки» и «коммуняки». Восемнадцать миллионов коммуняк в бывшем Советском Союзе. Мы никогда не скажем «в бывшей Римской империи», но обязательно (на всякий случай!) говорим «в бывшем СССР». Видимо, неистребим страх: а вдруг и сейчас затребуют в Киев на ковер.

(В партию Семенову Галину Владимировну приняли. Пройдут годы, и выпускница Львовского университета, одесская журналистка, разделившая с Григорянцем много трудных и счастливых лет, станет первой и единственной женщиной – членом Политбюро ЦК КПСС. Не вероломно-преступного сталинского, не жуликовато-вороватого брежневского, а реформаторского яковлевско-горбачевского, которое вышло на арену, как заметил один глубоко беспартийный одессит, «без щита» и стало последним.)

Москва Григорянца – это «Комсомольская правда» и «Литературная газета», которые при всей их подконтрольности были флагманами внутреннего диссидентства, «несогласия». В «Литературке» за Григорянцем была вторая «тетрадка» – вторые восемь страниц, наиболее читаемых. Справедливости ради нужно сказать, что 16-я полоса со знаменитым клубом «Двенадцать стульев» Григорянцу поначалу не доверялась. Но только поначалу, пока на одной из редакционных пятиминуток он не выступил с анализом этой почитаемой во всем Союзе полосы. А как Григорянц делал анализ, в Одессе помнят.

Конечно, не нужно думать, будто только Париж не благосклонен к талантливым провинциалам. У журналистской Москвы тоже своя жизнь, свои правила. И когда Григорянц из «Комсомолки» уходил, то до «Литературки» почему-то не дошел. И было время, когда в роли дешевого кафе на Монмартре был пивной зал в одном из московских микрорайонов, где дневным рационом Эрванда Григорянца была кружка пива с горстью соленого арахиса. Именно в тот период открыл он для себя Армению, отзывчивые сердца и прекрасные горы. (Здесь родился сценарий телефильма, здесь вышла книжка притч, которая вынашивалась годы.) И лишь потом открылись ему двери «Литгазеты», в редакции которой, судя по публикациям, он оставил не только благодарную, но и восхищенную память.

Эрванд Григорянц интересен Одессе не тем, что она всегда оставалась с ним, – это удел всех, покидавших наш город. Он интересен тем, что смог сам остаться с Одессой. Это его, как сказали бы сейчас, команда послужила основой и костяком долгожданной городской «Вечерки». Это вольный дух «Комсомольского племени» и «Комсомольской искры», дух «григорянцевского времени»

дал Одессе целый букет блестящих журналистских имен, которые сколько могли честно и достойно служили своему городу, своим согорожанам. Этот вольный дух, конечно же, извечен, но время от времени нужны импульсы, чтобы он не усомнился в себе, этот дух, чтобы не ослаб. Таким импульсом стал для одесской журналистики 60-х годов Эрванд Григорянц.

Когда-то Григорянц отправил «в корзину» неплохой вроде очерк о девушке, секретаре райкома комсомола, – на том основании, что невозможно в газетном очерке дать портрет человека. Вердикт был неожиданным (ведь портретный очерк – стандартный газетный жанр), но понятным. Понятен был и нестандартный Григорянц... Эти заметки – не портретный очерк. Каждый, кто знал Григорянца, знал его по-своему.

Имена умирают, это так же естественно, как и человеческая смерть. Но когда сама смерть неестественна... Подсознание старается увести от тревожных ассоциаций, память тускнеет быстрее. Григорянц же сам определил свой век. Произошла трагическая, нелепая ошибка, случайность. Однако – произошла. И имя его не вечно будет вспоминаться, конечно же.

Но было касание, и уже ушла эстафетная палочка. Через сына, друзей, единомышленников и оппонентов, в Москве, где он закончил свой путь, в Ереване, отвоевавшем право предать его земле, в Киеве, в Смеле, в Одессе, где он начинался.

...Не забывается Григорянц...

Афоризмы Э. Григорянца читайте в разделе «Публикации».

